

Пролог

Крюк Хоби своей свободой, положением в обществе, деньгами – иными словами, всей своей жизнью был обязан тайне тридцатилетней давности. И как любой осторожный человек, в том особенном положении, в котором он находился, он был готов на все, чтобы эту тайну оберегать. Потому что мог очень многое потерять. Он мог потерять саму жизнь.

Защита, на которую он полагался почти тридцать лет, основывалась на двух вещах. Тех самых, что используют люди, чтобы защититься от любой опасности. Тех самых, к которым прибегает государство для защиты от вражеского нападения, мирный обыватель – для защиты собственного жилища, а боксер – для отражения нокаута. Обнаружение и реакция. Первый этап и второй. Сначала ты обнаруживаешь опасность, затем реагируешь на нее.

Первый этап являлся системой заблаговременного предупреждения. Она менялась по мере того, как шли годы и возникали новые обстоятельства. К данному моменту эта система была тщательно отработана и до предела упрощена. Она состояла из двух слоев, как две концентрически расположенные натянутые проволоки, о которые неминуемо должен споткнуться враг. Первая находилась в одиннадцати тысячах миль от его дома. Она служила в качестве первого сигнала. Сигнала, который должен привлечь его внимание и сообщить, что к нему подбираются. Вторая – на пять тысяч миль ближе, но все равно в шести тысячах миль от его дома. Сообщение, поступившее отсюда, поставит его в известность, что они уже совсем близко, первый этап подошел к концу и пора приступить ко второму этапу.

Второй этап – это то, как он ответит. Крюк Хоби ни секунды не колебался на предмет того, каким должен быть ответ. Он обдумывал его почти тридцать лет, но уже давно понял, что ответ может быть только одним – бежать. Исчезнуть. Он был реалистом. Всю жизнь он гордился своей смелостью и хитростью, своей твердостью и жестким характером. Он всегда без колебаний делал то, что было необходимо. И знал, что, когда услышит сигнал тревоги, должен будет спастись

бегством. Потому что ни один человек не сумеет победить врага, который за ним придет. Ни один человек. Даже такой безжалостный и жестокий, как он.

Опасность уже многие годы подступала к нему, точно морской прилив, и ему часто казалось, что этот прилив вот-вот утащит его за собой. Потом наступали довольно долгие периоды, когда он был уверен, что ему ничто не грозит. Иногда притупляющее все ощущения время помогало ему чувствовать себя в безопасности, потому что тридцать лет – это целая вечность. А порой эти тридцать лет казались одним коротким мгновением, и он ждал, что в следующую минуту зазвучит сигнал тревоги. Он строил планы, подавляя страх, но всегда знал, что рано или поздно ему придется спасаться бегством.

Мысленно Крюк Хоби проигрывал эту ситуацию миллион раз. Он предполагал, что первый сигнал тревоги прозвучит примерно за месяц до второго. Этот месяц он использует на подготовку: закончит дела, соберет деньги, переведет свои активы в более надежное место – иными словами, приведет все в порядок. Затем, когда прозвучит второй сигнал, он отправится в путь. Немедленно и без сожалений. Уберется отсюда как можно дальше и постарается не высовываться.

Но получилось так, что оба сигнала тревоги прозвучали в один день. Причем сначала – второй. Та ловушка, что находилась ближе, сработала за час до той, что была дальше. И Крюк Хоби не стал спасаться бегством. Он отбросил тридцать лет тщательного планирования и остался, чтобы сражаться.

Глава 1

Джек Ричер увидел, как в дверь вошел какой-то мужчина. На самом деле никакой двери не было. Этот мужчина шагнул сквозь открытое пространство, на месте которого должна была находиться стена. Бар выходил прямо на улицу. Столы и стулья стояли под высохшим старым ползучим растением, дающим некое подобие тени. В общем, помещение с несуществующей стеной, находящееся одновременно внутри и снаружи дома. У хозяев наверняка имелась железная решетка, чтобы ставить ее, когда бар закрывался. Если он вообще когда-нибудь закрывался. По правде говоря, Ричер ни разу не видел это заведение закрытым, а он имел обыкновение приходить сюда в довольно необычное время.

Мужчина вошел и остановился примерно в ярде от входа, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку после ослепительного солнца Ки-Уэста. Стоял июнь, четыре часа дня, в самой южной точке Соединенных Штатов. Намного южнее, чем большая часть Багамских островов. Обжигающее белое солнце и страшная жара. Ричер сидел за столиком в дальней части комнаты, пил воду из пластиковой бутылки и ждал.

Вошедший принялся оглядываться по сторонам. Бар представлял собой помещение с низким потолком, построенное из досок, высохших и потемневших от времени. Складывалось впечатление, что это останки древних кораблей. Тут и там к ним были прикреплены случайные куски самых разных предметов, имевших отношение к морю: какие-то позеленевшие от времени медные штуки, зеленые шары из стекла, обрывки старых сетей. Ричер решил, что это рыболовные снасти, хотя за всю свою жизнь не поймал ни одной рыбы и никогда не плавал на корабле или даже лодке. Впрочем, во внутреннем убранстве бара главное место принадлежало визиткам — наверное, их было не меньше десяти тысяч, — они занимали каждый свободный дюйм, включая потолок. Одни новые, а другие — старые, потрепанные, с названиями предприятий, закрывшихся десятки лет назад.

Мужчина сделал еще шаг в полумрак и направился к стойке. Он был немолод, лет шестидесяти, среднего роста, крупный. Доктор сказал бы, что он страдает избыточным весом, но Ричер видел перед собой сильного мужчину, который стареет, но, подчиняясь течению времени, не делает из этого трагедии. Он был одет как житель северного города, которому неожиданно пришлось отправиться в место, где очень жарко. Светло-серые брюки, широкие вверху и сужающиеся книзу, тонкий мятый пиджак бежевого цвета, белая рубашка с расстегнутым воротом, белая кожа шеи, темные носки, городские ботинки. Нью-Йорк или Чикаго, решил Ричер, а может, Бостон; большую часть лета он проводит в помещениях или машинах с кондиционером, а эти брюки и пиджак валялись в шкафу с тех самых пор, как он купил их лет двадцать назад, а потом время от времени доставал и надевал при случае.

Мужчина подошел к стойке, засунул руку в карман пиджака и достал бумажник – маленький, распухший, старый, но из хорошей черной кожи. Из тех, что принимают форму всего, что в них кладут. Мужчина привычным жестом открыл бумажник, показал его бармену и что-то спросил. Бармен отвернулся, словно ему нанесли оскорбление. Мужчина убрал бумажник и пригладил седые, влажные от пота волосы, что-то еще сказал, и бармен достал ему пиво из ящика со льдом. Старик на мгновение прижал холодную бутылку к лицу, а потом сделал большой глоток. Тихонько рыгнул, прикрывшись рукой, и улыбнулся, как будто ему удалось разобраться с маленькой, но неприятной проблемой.

Словно в ответ ему, Ричер сделал большой глоток воды. Самым здоровым и крепким мужчиной, какого Ричер встречал в своей жизни, был бельгийский солдат, твердивший, что залогом отличного самочувствия является следующее правило: делай все, что тебе хочется, если ты выпиваешь пять литров минеральной воды в день. Ричер прикинул, что пять литров примерно равны галлону, а поскольку бельгиец был низеньким жилистым парнем, примерно в два раза меньше его самого, он прикинул, что должен выпивать два галлона. Десять больших бутылок. С тех пор как Ричер прибыл в Ки-Уэст, он так и делал и вскоре понял, что еще никогда не чувствовал себя лучше. Каждый день в четыре часа он садился за один и тот же столик и выпивал три бутылки воды комнатной температуры без газа.

И теперь не мог без нее обходиться, как когда-то не мог обходиться без кофе.

Старик стоял боком к стойке бара, пил пиво и изучал помещение. Кроме бармена, в нем находился только Ричер. Старик оттолкнулся от стойки бедром и подошел к нему, помахав в воздухе бутылкой, словно спрашивая: «Можно?» Ричер кивком показал на свободный стул, стоявший напротив, и отвинтил пластмассовую крышку третьей бутылки. Мужчина тяжело опустился на стул, который скрылся под его телом. Он был из тех людей, кто носит ключи, деньги и платки в карманах брюк, и потому казался шире в бедрах, чем был на самом деле.

– Вы Джек Ричер? – спросил он.

Не Чикаго и не Бостон. Нью-Йорк. Его голос напомнил Ричеру одного знакомого, который провел двадцать лет жизни, не удаляясь от Фултон-стрит больше чем на сто ярдов.

– Джек Ричер? – снова спросил старик.

У него были маленькие мудрые глаза под нависшими бровями. Ричер сделал глоток и посмотрел на старика сквозь прозрачную воду в бутылке.

– Вы Джек Ричер? – в третий раз поинтересовался тот.

Ричер поставил бутылку на стол и покачал головой.

– Нет, – солгал он.

У старика поникли плечи от огорчения. Он взглянул на часы, чуть наклонился вперед, словно собирался встать, но затем откинулся на спинку, как будто совершенно неожиданно у него появилось свободное время.

– Пять минут пятого, – сказал он.

Ричер кивнул. Старик помахал пустой бутылкой бармену, и тот принес ему новую.

– Жара меня достает, – сообщил он Ричеру.

Тот снова кивнул и сделал очередной глоток воды.

– Вы знаете Джека Ричера? – спросил старик.

Ричер пожал плечами.

– А как он выглядит? – поинтересовался он в свою очередь.

Его собеседник оторвался от бутылки с пивом, вытер губы тыльной стороной ладони и снова тихонько рыгнул.

– Не знаю, – ответил он. – Мне известно только, что он высокий и крупный. Вот почему я обратился к вам.

– Здесь много высоких крупных парней, – сказал Ричер. – Их везде много.

– Но имя вам не знакомо?

– А должно быть? – спросил Ричер. – И кому же он понадобился?

Старик ухмыльнулся и кивнул, словно извиняясь за дурные манеры.

– Костелло, – представился он. – Рад с вами познакомиться.

Ричер поднял в ответ свою бутылку.

– Агент по розыску сбежавших должников?

– Частный детектив, – ответил Костелло.

– И вы ищете парня по имени Ричер? – спросил Ричер. – А что он натворил?

Костелло пожал плечами:

– Насколько мне известно, ничего. Просто меня попросили его найти.

– И вы решили, что он должен быть здесь?

– На прошлой неделе был, – пояснил Костелло. – У него в Виргинии счет в банке, и он переводит туда деньги.

– Отсюда, из Ки-Уэста?

Костелло кивнул:

– Каждую неделю. Вот уже три месяца.

– И что?

– Значит, он здесь работает, – сказал Костелло. – По крайней мере три месяца. Кто-то должен его знать?

– Но никто не знает, – сказал Ричер.

Костелло покачал головой:

– Я поспрашивал на улице Дюваль – насколько я понял, это самое оживленное место в городе. И только одна какая-то девчонка в дрянном баре сказала мне, что высокий парень вот уже три месяца приходит сюда каждый день в четыре часа и пьет воду.

Он замолчал и сурово посмотрел на Ричера, словно бросая ему вызов. Ричер сделал глоток воды и пожал плечами.

– Совпадение, – заявил он.

– Наверное, – тихо проговорил Костелло, поднес бутылку к губам и сделал глоток, не сводя с лица Ричера мудрых старых глаз.

– Здесь население постоянно мигрирует, – сообщил ему Ричер. – Люди приезжают и уезжают.

– Наверное, – повторил Костелло.

– Но я стану поглядывать по сторонам, если хотите, – предложил Ричер.

– Буду признателен, – рассеянно сказал Костелло.

– А кому он понадобился? – поинтересовался Ричер.

– Моей клиентке, – ответил Костелло. – Ее зовут миссис Джейкоб.

Ричер сделал глоток воды. Имя не показалось ему знакомым. Джейкоб? Он никогда не слышал о женщине с таким именем.

– Хорошо, если я его встречу, то скажу, что вы его искали, но не слишком на меня рассчитывайте. Я не очень общителен.

– Вы работаете?

– Копаю бассейны.

Костелло задумался, как будто знал, что такое бассейны, но не имел ни малейшего представления о том, как они могли сюда попасть.

– Управляете экскаватором?

Ричер улыбнулся и покачал головой.

– Только не здесь, – ответил он. – Мы копаем вручную.

– Вручную? – повторил Костелло. – Лопатами, что ли?

– Участки маленькие, машинам туда не заехать, – пояснил Ричер. – Слишком узкие улицы, слишком низко нависают ветки деревьев. Отойдите в сторонку от Дюваль, и сами все увидите.

Костелло в очередной раз кивнул, и неожиданно у него сделался довольный вид.

– Тогда вы, скорее всего, не знаете Ричера. Миссис Джейкоб сказала мне, что он военный, офицер. Я проверил, и все совпало. Он был майором. Медали и все такое. Шишка в военной полиции, так мне сказали. Такой парень не станет копать дурацкой лопатой яму для бассейна.

Ричер сделал большой глоток воды, чтобы скрыть выражение, появившееся у него на лице.

– А что, по-вашему, он должен здесь делать?

– Здесь? – переспросил Костелло. – Ну, не знаю. Служба безопасности в отеле. Какое-нибудь собственное дело. Может, у него свой кораблик, который он сдает внаем.

– А что ему вообще здесь делать?

– Да уж, – не стал спорить Костелло, – это местечко не для него. Но я уверен, что он здесь. Он уволился из армии два года назад, положил все свои деньги в ближайший к Пентагону банк и исчез. Его банковский счет указывает на то, что он разъезжал по всей стране, время от времени снимая деньги, но вот уже три месяца они поступают отсюда. Получается, что он некоторое время путешествовал, затем осел здесь и начал понемногу зарабатывать. Я его найду.

Ричер не стал возражать.

– Все еще хотите, чтобы я о нем поспрашивал?

Костелло покачал головой. Судя по всему, он обдумывал следующий шаг.

– Не стоит.

Он тяжело поднялся со стула, вытащил из кармана несколько мятых бумажек, бросил на стол пятерку и пошел прочь.

– Приятно было познакомиться! – крикнул он, не оборачиваясь, и вышел через отсутствующую стену в дышащий жарой день.

Ричер допил воду, глядя ему вслед. Десять минут пятого.

Через час Ричер шагал по улице Дюваль, раздумывая над тем, как лучше организовать новые отношения с банком, где пообедать и почему он соврал Костелло. По первому вопросу он принял решение снять деньги со счета и носить их в кармане штанов. По второму – последовать совету своего приятеля-бельгийца: съесть громадный стейк, потом мороженое и запить все это двумя бутылками воды. И по третьему: он соврал, потому что не видел причин говорить правду.

Ричер не понимал, почему его разыскивает частный детектив из Нью-Йорка. Он никогда там не жил. Да и вообще ни в одном из крупных северных городов. На самом деле он нигде не жил, это стало определяющим фактором его судьбы и сделало тем, кем он стал. Его отец был офицером Корпуса морской пехоты на действительной службе, и родители постоянно таскали Ричера по всему миру с того самого мгновения, как мать вынесла его из родильного отделения госпиталя в Берлине. С тех пор он жил на бесконечно сменяющих друг друга военных базах, причем по большей части в удаленных и не слишком дружелюбных частях света. Затем сам поступил на службу в армию, стал следователем военной полиции и снова жил и нес службу

на тех же самых базах, разбросанных по всему миру, пока в результате политики «мирного дивиденда»^[1] не закрыли его подразделение, а он не оказался на свободе. Тогда он вернулся домой, в Соединенные Штаты, и стал путешествовать по стране как самый обычный, не слишком состоятельный турист, пока не объехал ее всю, а его сбережения не подошли к концу. Тогда он нанялся на пару дней копать ямы под бассейны, пара дней превратилась в пару недель, а недели в месяцы, и вот он осел здесь.

У него нигде не было родственников, которые могли бы оставить ему наследство. Он никому не был должен денег. Никогда ничего не украл и никого не обманул. У него не было детей. Его имя значилось всего в нескольких официальных бумагах. Кроме того, он совершенно точно знал, что никогда не слышал о женщине по фамилии Джейкоб. Так что если Костелло и хотел от него чего-то, Ричера это не интересовало. Во всяком случае, не настолько, чтобы выбраться из своего укрытия и впутаться в какую-нибудь историю.

Потому что он привык быть невидимкой. Передняя доля его головного мозга знала, что это своего рода комплекс, реакция на ситуацию, в которой он оказался. Два года назад его мир перевернулся с ног на голову. Из большой рыбы, плавающей в своем маленьком пруду, он стал никем. Он был старшим и уважаемым членом сообщества, подчиняющегося суровым законам, а превратился в одного из двухсот семидесяти миллионов безымянных граждан. Он был востребован и чувствовал себя нужным, а теперь стал лишним. Прежде ему постоянно говорили, где, когда и сколько времени он должен находиться, и вдруг он оказался наедине с самим собой на территории в три миллиона квадратных миль, впереди у него было еще лет сорок такой жизни и никакого расписания или карт и указаний. Передняя доля его мозга твердила, что его реакция вполне объяснима, — реакция человека, любящего уединение, но обеспокоенного своим одиночеством. И еще: это опасная реакция и он должен с ней бороться.

Но самая тайная часть его мозга, прячущаяся за передними долями, нашептывала, что ему такая жизнь нравится. Ему нравилось ощущение таинственности и собственная скрытность, и он тщательно их оберегал. Внешне он вел себя дружелюбно и был общительным, но почти ничего о себе не рассказывал. Ему нравилось платить

наличными и путешествовать на автотранспорте. Однако его имя никогда не значилось в списках пассажиров или на копиях чеков. Он никому не открывал своего имени. В Ки-Уэсте он поселился в дешевом мотеле, назвавшись Гарри С. Трумэном. Пролистав регистрационную книгу, Ричер обнаружил, что таких, как он, много. Здесь останавливались почти все из сорока одного президента США, даже те, о которых никто никогда не слышал, вроде Джона Тайлера и Франклина Пирса. Довольно быстро Ричер понял, что в Ки-Уэсте имена ничего не значат. Ему махали рукой, улыбались и говорили «привет». Местные жители считали, что у каждого человека есть своя тайна. Ему было здесь уютно. Слишком комфортно, чтобы спешить покинуть это место.

Около часа он гулял по шумным жарким улицам, потом свернул с Дюваль к прячущемуся во дворе ресторанчику, где его узнавали, подавали стейк такого размера, что он свисал с тарелки, и, кроме того, у них имелась его любимая вода.

Вместе со стейком принесли яйцо, жареную картошку и салат из летних овощей, а также мороженое с соусом из горячего шоколада и орехов. Ричер выпил еще кварту воды и две чашки крепкого черного кофе и, довольный, отодвинулся от стола.

– Ну, теперь вам хорошо? – с улыбкой спросила официантка.

Ричер ухмыльнулся и кивнул.

– В самое яблочко, – ответил он.

– Вы даже выглядеть стали лучше.

– Я и чувствую себя лучше.

Он сказал правду. Ему было тридцать восемь, и он еще никогда не чувствовал себя так хорошо. Ричер всегда отличался крепким здоровьем и силой, но последние три месяца помогли ему выйти на пик формы. В нем было шесть футов пять дюймов, и он весил двести двадцать фунтов, когда уволился из армии. Через месяц после того, как он поступил в бригаду строителей, работа и жара сожгли десять фунтов. За следующие два месяца он набрал тридцать фунтов чистых, могучих мышц. Работа была очень тяжелой: каждый день он перебрасывал с места на место около четырех тонн земли, камней и песка. Ричер отработал особую технику – вгрызался лопатой в землю, доставал ее, поворачивался и выбрасывал, – при помощи которой все

его тело было задействовано постоянно. Результат получился потрясающий. Он дочерна загорел на солнце и находился в великолепной форме. Как презерватив, набитый каштанами, – так сказала одна девчонка. Он решил, что ему требуется съедать около десяти тысяч калорий и выпивать два галлона воды, чтобы поддерживать свою форму.

– Работаете сегодня вечером? – спросила официантка.

Ричер рассмеялся. Он зарабатывал деньги, занимаясь физическими упражнениями, за которые многие оставили бы целое состояние в роскошных фитнес-клубах больших городов, а сейчас направлялся на вечернюю работу, за которую ему тоже платили, хотя большинство мужчин с удовольствием делали бы ее бесплатно. Он был вышибалой в стриптиз-баре, том самом, где о нем расспрашивал Костелло. На Дюваль. Он сидел там всю ночь без рубашки, изображал из себя крутого парня, пил за счет заведения и следил за тем, чтобы никто не обижал обнаженных женщин. А потом ему давали за это пятьдесят баксов.

– Печальная обязанность, но кто-то должен ее выполнять, – сказал Ричер.

Девушка рассмеялась вместе с ним, он заплатил за обед и вышел на улицу.

Примерно в полутора тысячах миль к северу, неподалеку от Уолл-стрит в Нью-Йорке, исполнительный директор спустился на лифте на два этажа и вошел во владения финансового директора. Они тут же отправились во внутренний кабинет и уселись рядышком за стол. Дорогой офис и дорогой стол из тех, что специально приобретаются, когда дела идут хорошо, а потом стоят немым укором, когда возникают трудности. Офис был роскошным: повсюду красное дерево, льняные шторы на окнах, на громадном столе итальянские светильники и компьютер, стоивший больше, чем следовало. Компьютер был включен и дожидался пароля. Исполнительный директор постучал по клавишам, нажал клавишу ввода, и на экране появилась единственная таблица, сообщавшая правду о компании. Именно по этой причине ее охранял пароль.

– Ну что, у нас получится? – спросил исполнительный директор.

Это был день «С». «С» означало «сокращение штатов». Менеджер по персоналу находился на заводе-изготовителе на Лонг-Айленде с восьми часов утра. Его секретарша выставила в коридоре перед кабинетом длинный ряд стульев, которые заполнила очередь людей. Они целый день ждали, когда наступит их черед, продвигаясь на один стул каждые пять минут, затем входили в кабинет менеджера по персоналу на собеседование, оно продолжалось пять минут и лишало их средств к существованию, спасибо вам и до свидания.

– У нас получится? – снова спросил исполнительный директор.

Финансовый директор переписывал огромные цифры на листок бумаги. Вычел одно из другого, посмотрел на календарь и пожал плечами.

– Теоретически – да, – ответил он. – Практически – нет.

– Нет? – повторил исполнительный директор.

– Фактор времени, – сказал финансовый директор. – Мы все правильно сделали на заводе, тут нет никаких сомнений. Мы уволили восемьдесят процентов людей, и это поможет нам сэкономить девяносто процентов на зарплате, потому что мы оставили самых дешевых рабочих. Но мы заплатили всем до конца следующего месяца. Так что движение денежной наличности начнется только через шесть недель. На самом деле сейчас с этим становится все хуже, потому что эти придурки бросились обналичивать чеки.

Исполнительный директор вздохнул и кивнул.

– И сколько нам требуется?

Финансовый директор подвигал мышкой, и окно увеличилось в размерах.

– Один и одна десятая миллиона долларов, – сказал он. – На шесть недель.

– Банк?

– Забудь, – проговорил финансовый директор. – Я там каждый день облизываю задницы, чтобы они не потребовали с нас то, что мы им уже должны. Если я попрошу еще, они просто рассмеются мне в лицо.

– Ну, это не самое страшное, что может с тобой произойти, – сказал исполнительный директор.

– Дело не в этом, – заявил финансовый директор. – Если они пронюхают, что у нас по-прежнему проблемы, они потребуют назад ссуды. В ту же секунду.

Исполнительный директор постучал пальцами по красному дереву и пожал плечами.

– Я продам часть акций, – сказал он.

Финансовый директор покачал головой.

– Этого делать нельзя, – терпеливо начал объяснять он. – Как только ты выставишь акции на рынок, их цена тут же катастрофически упадет. Наше существование обеспечено акциями, но, если они начнут еще больше обесцениваться, нас закроют завтра же.

– Проклятье! – вскричал исполнительный директор. – Всего шесть недель. Я не собираюсь терять свою компанию из-за вонючих шести недель. Даже за миллион баксов. Это мелочи.

– У нас нет этой мелочи.

– Должен же быть какой-то выход.

Финансовый директор ничего не ответил, но у него был такой вид, словно он сказал еще не все.

– В чем дело? – спросил исполнительный директор.

– Я слышал разговоры, – ответил тот. – Среди моих знакомых. Мне кажется, есть место, куда мы можем обратиться. Может, оно того стоит – шесть недель. Мне рассказывали про одну компанию. Знаешь, из серии «помощь в крайнем случае».

– Приличная компания?

– Судя по всему, да, – ответил финансовый директор. – Выглядит очень респектабельно. Большой офис во Всемирном торговом центре. Специализируется на подобных случаях.

Исполнительный директор мрачно уставился на монитор компьютера.

– На каких случаях?

– На подобных, – повторил финансовый директор. – Когда ты уже у самого порога родного дома, но банки слишком узколобы, чтобы это увидеть.

Исполнительный директор кивнул и окинул взглядом кабинет. Красивое место. Его кабинет находился двумя этажами выше, на углу, и был еще красивее.

– Хорошо, – согласился он. – Делай все, что нужно.

– Я не могу, – сказал финансовый директор. – Этот парень не имеет дела с клиентами ниже исполнительного директора. Тебе придется самому.

Ночь в стриптиз-баре начиналась спокойно. Середина недели, июньский вечер, слишком поздно для перелетных птиц и весенних заморозков и слишком рано для туристов, приезжающих сюда полежать на солнышке. Примерно сорок посетителей за всю ночь. Две девушки в баре, три танцуют на площадке. Ричер наблюдал за девушкой по имени Кристал. Он сомневался, что это ее настоящее имя, но вопросов не задавал. Она была самой лучшей. И зарабатывала гораздо больше, чем зарабатывал Ричер, когда служил майором в военной полиции. Часть своего дохода она тратила на содержание старенького черного «порше», и днем Ричер иногда слышал, как машина, дребезжа и чихая, проезжает по какой-нибудь из улиц, где он работал.

Бар располагался в длинном узком помещении на втором этаже, с небольшой огороженной площадкой и маленькой круглой сценой с блестящим хромированным шестом. Вокруг сцены за ограждением стояли стулья. Повсюду были зеркала, а остальное пространство покрашено черной краской. Воздух в баре пульсировал в такт оглушительной музыке, которая доносилась из полудюжины усилителей, настолько мощных, что они забивали рев кондиционеров.

Ричер стоял около стойки бара, повернувшись к ней спиной, достаточно близко к двери, чтобы его сразу было видно, и одновременно внутри, чтобы посетители не забывали о его присутствии. Кристал закончила свой третий номер и потащила безобидного парня за сцену, где собиралась устроить ему шоу за двадцать баксов, когда Ричер увидел, что на лестничной площадке появились двое мужчин. Чужаки с севера. Лет тридцати, крупные, белые. Опасные. Крутые парни с севера в костюмах за тысячу долларов и начищенных до блеска ботинках. Они явно сюда спешили и не успели переодеться после работы. Они остановились около столика у входа и принялись спорить по поводу входных билетов за три доллара. Девушка за столом бросила взгляд в сторону Ричера, и тот медленно соскользнул с табурета. Подошел к ним и спросил:

– У вас проблемы, ребята?

Ричер использовал походку, которую называл «студенческой». Он заметил, что парни из колледжа ходят с напряженным телом и словно слегка прихрамывая. Особенно на пляже, когда они в плавках. Как будто у них такое количество мускулов, что им не удастся заставить

свои конечности действовать как полагается. Из-за этого подростки весом в сто тридцать фунтов выглядели ужасно забавно. Но Ричер подумал, что у парня весом в двести пятьдесят фунтов и ростом шесть футов и пять дюймов такая походка должна производить устрашающее впечатление. «Студенческая» походка стала полезным инструментом в его новой профессии. Инструментом, который всегда срабатывал. И разумеется, ему удалось произвести впечатление на двух ребяташек в костюмах за тысячу долларов.

– У вас проблемы? – снова спросил он.

Как правило, трех слов хватало. Большинство дебоширов сразу успокаивались. Но эти двое были крепче обычных скандалистов. Подойдя к ним, Ричер почувствовал, что от них исходит смесь угрозы и уверенности. Может быть, еще высокомерие. В том смысле, что они привыкли получать желаемое. Но они оказались далеко от дома. Настолько далеко и не на своей территории, что даже решили немного сдать позиции.

– Никаких проблем, Тарзан, – сказал тот, что стоял слева.

Ричер улыбнулся. Его называли по-разному, но Тарзаном впервые.

– Три доллара за вход, – сказал он. – Вниз по лестнице бесплатно.

– Мы всего лишь хотим кое с кем переговорить, – сказал тот, что стоял справа.

У обоих был акцент жителей Нью-Йорка. Ричер пожал плечами.

– Мы тут не особенно много разговариваем, – сказал он. – Слишком громкая музыка.

– Тебя как зовут? – спросил левый.

Ричер снова улыбнулся.

– Тарзан, – ответил он.

– Мы ищем человека по имени Ричер, – проговорил левый. – Джека Ричера. Ты его знаешь?

Ричер покачал головой.

– Никогда о таком не слышал, – ответил он.

– Тогда нам нужно поговорить с девушками, – заявил правый. – Нам сказали, что они могут его знать.

Ричер снова покачал головой:

– Они его не знают.

Правый парень заглянул через плечо Ричера в длинный узкий зал, увидел девушек за стойкой бара и сообразил, что других охранников

нет.

– Ладно, Тарзан, отойди в сторонку, – сказал он. – Мы собираемся войти.

– А вы читать умеете? – спросил у него Ричер. – Длинные слова и все такое?

Он показал на плакат, висящий над столом и написанный крупными флуоресцентными буквами: «АДМИНИСТРАЦИЯ ОСТАВЛЯЕТ ЗА СОБОЙ ПРАВО НЕ ПУСКАТЬ ВАС В НАШЕ ЗАВЕДЕНИЕ».

– Я здесь администрация, и я не пускаю вас в наше заведение, – сказал Ричер.

Правый тип смотрел то на плакат, то на Ричера.

– Тебе перевести? – спросил его Ричер. – Чтобы было попроще? Так вот, я здесь босс, и вы не можете войти.

– Успокойся, Тарзан, – сказал тот, что стоял слева.

Ричер позволил ему подойти ближе и, когда тот оказался совсем рядом, поднял левую руку и поймал парня за локоть. Затем он выпрямил его руку ладонью и с силой нажал пальцами на нервные окончания у основания трицепса. Парень принялся скакать на месте, словно в него ударил электрический разряд.

– Вниз, – тихо сказал Ричер.

Второй тип просчитывал варианты. Ричер заметил это и решил, что пришла пора открыть карты. Он поднял правую руку на уровень глаз, показывая, что в ней ничего нет и он готов действовать. Это была огромная рука, темная от загара, в мозолях от лопаты, и его собеседник понял намек. Пожав плечами, он начал спускаться по лестнице. Ричер подтолкнул его товарища вслед за ним.

– Мы еще увидимся, – пообещал тот, что спускался первым.

– Приводите друзей, – крикнул ему вслед Ричер. – Три доллара за вход с каждого.

Он направился назад, в зал, но обнаружил, что прямо у него за спиной стоит танцовщица Кристал.

– Чего они хотели? – спросила она.

– Искали какого-то парня, – пожав плечами, ответил он.

– Ричера?

– Да.

– За сегодняшний день они вторые, – сказала она. – Днем приходил старик. Он заплатил три бакса. Хочешь пойти за ними и проверить, кто они такие?

Ричер колебался. Кристал сняла со стула его рубашку и протянула ему.

– Давай иди, пока здесь тихо. Спокойная ночь, – сказала она.

Ричер взял рубашку и вывернул рукава.

– Спасибо, Кристал, – сказал он, надел рубашку, застегнул на пуговицы и начал спускаться вниз по лестнице.

– Пожалуйста, Ричер, – бросила она ему вслед.

Он резко обернулся, но она уже шла к сцене. Он невыразительно глянул на девушку за столом у входа и выскочил на улицу.

Ки-Уэст в одиннадцать часов вечера достаточно оживленное место. Кое-кто уже видит десятый сон, но многие выходят прогуляться. Главная улица, Дюваль, идущая через весь остров с востока на запад, залита светом и оживлена. Ричер не боялся, что парни будут поджидать его на Дюваль. Здесь полно народа. Если они задумали ему отомстить, они выберут местечко потише. А таких здесь предостаточно. В стороне от Дюваль, особенно к северу, почти сразу же становится очень тихо. Городок совсем небольшой, и кварталы здесь маленькие. Короткая прогулка – и через двадцать кварталов вы оказываетесь в пригороде, где Ричер копал ямы для бассейнов в миниатюрных двориках за миниатюрными домиками. Освещение здесь весьма скудное, а шум, доносящийся из баров, заглушен жужжанием и стрекотом насекомых. Запах пива и дыма сменяется тяжелым ароматом тропических растений, цветущих и гниющих в садах.

Ричер шел по спирали сквозь темноту, сворачивал за случайные углы, обходил притихшие улицы. Никого. Он зашагал по середине дороги. Если бы кто-то притаился в тени дверного проема, ему пришлось бы пробежать десять или пятнадцать футов открытого пространства, чтобы добраться до Ричера. Он не боялся, что в него будут стрелять. У тех типов не было оружия. Доказательством тому их костюмы. Слишком плотно облегающие, некуда спрятать пистолеты. Кроме того, эти костюмы говорили о том, что парни прибыли на юг в

спешке. Прилетели. А сесть на самолет с пистолетом в кармане совсем не просто.

Ричер прошел еще милю. Ки-Уэст маленький городок, но здесь достаточно места, чтобы в нем могли спрятаться два типа с севера. Он повернул налево у границы кладбища и направился назад, в сторону городского шума. Неожиданно он заметил около сетчатой ограды человека, неподвижно распластавшегося на земле. Не так чтобы необычная картина для Ки-Уэста, но было в его позе что-то странное. И знакомое. Ричер сразу понял, что здесь не так: рука мужчины была неестественно подвернута под тело. Мышцы плеча не стали бы терпеть столь возмутительного обращения с собой и устроили бы такой скандал, что даже очень пьяный или обкурившийся человек обратил бы внимание на их протесты. Знакомым оказалось пятно бежевого пиджака. Верхняя часть лежавшего на земле мужчины была светлой, нижняя – темной. Бежевый пиджак, серые брюки. Ричер замер на месте и огляделся по сторонам. Подошел поближе. Присел на корточки.

Это был Костелло, лицо которого превратилось в бесформенное месиво, словно на него надели кровавую маску. На бледной коже шеи жителя большого города, проглядывавшей в ворот рубашки, запеклись ручейки крови. Ричер попробовал нащупать за ухом пульс. Ничего. Он потрогал кожу тыльной стороной ладони. Холодная. Окоченение еще не наступило, но ночь была жаркой. Костелло умер примерно час назад.

Ричер проверил карманы пиджака. Пухлый бумажник исчез. И тут он увидел руки. Подушечки пальцев были аккуратно срезаны. Все десять. Быстрые, умелые разрезы, сделанные чем-то очень острым. Не скальпелем. Лезвие шире. Скорее всего, ножом для линолеума.

Глава 2

– Это моя вина, – сказал Ричер.

Кристал покачала головой.

– Не ты убил этого человека, – возразила она, потом резко подняла голову. – Или ты?

– Его убили из-за меня, – сказал Ричер. – Так что какая разница?

Бар закрылся в час ночи, и они сидели рядом на стульях около пустой сцены. Свет погасили, музыка не играла. В баре царила тишина, если не считать гудения кондиционера, который работал на четверть мощности, отправляя в ночной воздух Ки-Уэста застоявшийся запах табака и пота.

– Мне следовало ему сказать, – проговорил Ричер. – Следовало сказать: «Да, я Джек Ричер». Тогда он сообщил бы мне то, что должен был сообщить, вернулся бы домой, а я мог бы проигнорировать его слова. Мне бы хуже не стало, а он остался бы жив.

Кристал надела белую футболку. И больше ничего. Футболка была длинная, но недостаточно, и Ричер старался на нее не смотреть.

– Почему ты так переживаешь? – спросила она.

Самый обычный вопрос для Ки-Уэста. Они здесь не бездушные и холодные, просто им трудно понять, как можно переживать из-за чужого человека, приехавшего из чужой страны. Ричер посмотрел на нее и сказал:

– Я чувствую свою ответственность.

– Нет, ты чувствуешь себя виноватым, – возразила она.

Он кивнул.

– Это неправильно, – продолжала она. – Ты его не убивал.

– А есть разница? – снова спросил он.

– Конечно есть, – заявила она. – Кем он был?

– Частным детективом, который искал меня.

– Зачем?

Ричер покачал головой:

– Понятия не имею.

– А те два типа были с ним?

– Нет, они его убили, – сказал он.

– В самом деле? – удивленно взглянув на него, спросила Кристал.

– Я так думаю, – пояснил Ричер. – Я уверен, что они были не с ним. Они моложе и богаче. Ты видела их костюмы? Непохоже, что они его подчиненные. Да и вообще он показался мне человеком, который работает в одиночку. Значит, эту парочку прислал сюда кто-то другой, возможно, за ним, чтобы выяснить, что он тут делает. Может быть, он наступил на мозоль кому-нибудь на севере, устроил проблемы. И они отправились за ним в Ки-Уэст. Они его нашли и заставили сказать, кого он тут искал. И тогда они заявили к нам.

– Они убили его, чтобы узнать твое имя?

– Похоже на то, – сказал он.

– Ты расскажешь все это полиции?

Еще один характерный для Ки-Уэста вопрос. Привлечение копов к любому делу являлось темой долгих и серьезных дебатов.

– Нет, – ответил Ричер.

– Они узнают, кто он такой и что здесь делал, и станут искать тебя.

– Не сразу, – сказал он. – При нем никаких документов. Отпечатки пальцев они снять не смогут. Пройдет несколько недель, прежде чем они разберутся, кто он такой.

– И что ты собираешься делать?

– Попытаюсь отыскать миссис Джейкоб, – проговорил он. – Его клиентку. Она меня ищет.

– Ты ее знаешь?

– Нет, но хочу найти.

– Зачем?

Ричер пожал плечами:

– Я должен знать, что происходит.

– Зачем? – снова спросила Кристал.

Ричер встал и посмотрел на нее в зеркало, висящее на стене. Неожиданно он почувствовал, что его охватывает беспокойство и он готов немедленно вернуться в реальную жизнь.

– Ты знаешь зачем, – ответил он. – Убили человека, и его смерть имеет какое-то отношение ко мне, значит меня втянули в это дело, понимаешь?

Кристал вытянула голую ногу и положила на стул, с которого он встал. Она рассматривала его чувство причастности ко всему